

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАЙ 2021 г. ● № 5 (291)
Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Валентина ЕРОФЕЕВА

Малая проза и большое мироздание



Антология малой прозы «Дня литературы» – 2019-2021

Эти два года стояния на одной ви-русной ковидной ножке, честно признаться, выбили нас из колеи уже вроде бы отработанного алгоритма выпуска журналов. Замыслились наши толстые, почти четырёхсотстраничные приложения как ежеквартальные, наполненные прозой, поэзией, критикой... в общем, всеми литературными жанрами, уже прошедшими школу публикации на сайте. Но то-варно-денежные отношения, растущие на дрожжах вируса почти в геометрической прогрессии, придавили наши розовые романтические мечтания о четырёх ежегодных номерах пониже к земельке реальности. Придавили, но не заглушили совсем. Настал весенний месяц май – и пробился новый росток: *Антология малоего рассказа*, лучшие образцы которого, собранные редакцией за последние три года и опубликованные в своё время на сайте, наконец дождался своей журнальной версии.

Двадцать семь авторов стали хозяевами этой *Антологии*. Среди них и маститые, уже известные русской литературе имена; и имена крепкие, основательные, но озвученные только в нашей драгоценной провинции; и совсем уже дебютные, неожиданные, впервые постукавшие к нам в редакционные врата со своим словесным жемчугом на подарочных лотках.

Риску предположить, что многое из размещённого в нашем журнале найдёт светлый отклик у пристального умного читателя. Ну вот, полюбуемся хотя бы этим фрагментом из рассказа «Анчосусы»: «Недурён собой был и Дмитрий Иванович. Высокий кареглазый шатен, спортивно сложенный, с волевым лицом, слегка подслащённым ямочкой на подбородке. Волосы у него были жесткие, стригся он всегда коротко: под «ёжик». Безжалостная седина только-только начала гостевать на его висках. Инициатор и душа учительских посиделок, он пел, играл на гитаре, любил поэзию и прекрасно читал стихи; было у него интересное и вкусное хобби – кулинария». Кто сейчас так пристально-классически выписывает портреты своих персонажей, как ни Игорь Бахтин и в своём *мегалитном* романе «Новогодние хлопоты» (который скоро увидит свет в «Вече» – надеёмся), да и в цикле рассказов на питейские *жителские* темы, опубликованных россыпью на нашем сайте?

Суровая проза Николая Беседина нашла своё отражение в драматичном рассказе «Вася» о судьбе женщины с мужским именем и мужским характером: «Море почти беспрерывно штормило, и вахты были тяжёлыми до изнурения. Люди как-то перестали замечаться, а была одна команда, которая дышала одними лёгкими, работала одними руками, и у которой билось одно сердце. ... Тогда я понял, что означали слова старшего механика, когда он говорил, что Вася стоит трёх коцегаров. Она стояла вахту и вместо меня, если не хватало пяти атмосфер давления пара, которые я держал в котле из последних сил, из восьми положенных, и вместо Димки, когда тот приносил из управ-ления больничный, не говоря уже о своих кровных вахтах».

В мистически-триллеровый рассказ Валерия Бохова «Бережёного Бог бережёт» выпелился бы и Голливуд, если бы прознал, где этот рассказ отсыцать. Он об охранниках и Объекте, который они призваны охранять, а Объект – «предсказатель, оракул, экстрасенс, гадалышка, ясновидящий, колдун – как вам угодно. Но видит он не все значимые события, не войны, не сдвиги тектонических плит, не подвижки континентов, не природные явления, не катастрофы, не эпидемии... А видит он лишь одно – смерть человека». Видит-то он видит, да вот не угадывал главного в своих охранниках, которые не относились к тем элитным верхам, на которых он работал... Рассказ не лобовой, на полутонах выписанный, с расширенной, дотягивающей аурой влияния на читающего.

«Парижанка» Александра Вина вообще не от мира сего. Чем-то забыто гриновское, трепетно-романтическим веет и от

темы, и от стилия изложения: «Два человека под дождём шли навстречу друг другу, сияя глазами. Он – высокий, смуглый, в мокром и грязном костюме. Строгий галстук, белая рубашка. Она – стройная, в тёмном платье. Красные туфли на невозможных каблуках. Спутанные ливнем волосы, только что бывшая шикарной причёска». И предельное откровение из её уст навстречу: «– Вчера я со страхом ждала мгновения, когда ты начнёшь лгать. Готовилась сразу же уйти... Ты был честен...». Вот так же честен в своём неизбывном романтизме и автор перед читателем – ну, вот такой я несовершенный, несвоевременный, верящий в красоту чувств между истинно любящими...

Инна Волошина предложила свою версию семейной городской «саги» в рассказе «Нас не догонят». Её героиня – уми-ница, но невольница виртуальной житейской клетки, выстроенной собственными руками: «Каждый раз, когда расшатывалось хрупкое равновесие внутри и возвращались былые химеры, у нее появлялось больное, тоскливое чувство, что усилие ее напрасны и что те пасхальные озарения, за которые она держалась из последних сил, чтобы не скатиться назад, в пустоту безверия, были лишь призрачным переживанием – будто частичка от зараженной радостью толпы, вспыхнув каким-то чудом в ее душе, рассеялась где-то в огромном мироздании». Ну, разве такое чудо может рассеяться напрочь и оставить без света в конце тоннеля свою владелицу? – Нет, конечно, нет...

А вот Александр Леонидов поведает читателю искромётную историю из серии «небывалое – бывает» в своей «Загадке Сфинкса». Предупредив заранее: «Вы, конечно, решите, что это фантастический рассказ. Но, как в старину писали, «спешу предведомить»: мистика – не всегда выдумка. Началась эта в высшей степени странная и неправдоподобная история с Клуба германо-нашенского делового партнёрства. Клуб сей – этакие детище досанкционных времён – событие для нашего заштатного и затерянного в Сибири города. Прилетали немцы из Саксонии, из Баварии – представители деловых кругов, их на лимузинах посольского класса отвозили в конференц-зал губернского управления торговли и внешних связей, там с умным видом выспрашивали что-то через переводчиков». Ирония, перемежающаяся всплесками заслуженного событиями сарказма, и – идиллия светлого, но кажущегося почти ирреальным финала сей «Загадки...». Автор откровенным текстом сетует, что голову сломал, разгадывая её, но скорее кокетничает в стиле лёгкой иронии своего письма. Загадка им разгадана. Читающий да увидит это между строк, созвучно откликнется и подтвердит...

Ах, как хотелось бы хоть полурасфюзой обозначить по алфавитной очереди все двадцать семь жемчужин *Антологии малоего рассказа* «Дня литературы» – 2019-2021. Но пусть сам читатель, открыв журнал, погрузится в чудо тех кажущихся малыми миров, составляющих интереснейшую и достаточно объёмную картину современного литературного – и не только – мироздания.

Хотя в «последних строках моего письма» всё же стоит обозначить всех авторов *Антологии* – помню уже прозвучавших, в полной уверенности, что их имена скажут сами за себя и без комментариев. Это: Алексей Дериглазов, Дмитрий Жуков, Игорь Изборцев, Евгений Калачёв, Анатолий Кирилин, Павел Кренёв, Владимир Крупин, Дмитрий Лагутин, Юрий Манакон, Виктор Мельников, Вячеслав Михайлов, Александр Нестругин, Анатолий Подольский, Михаил Попов, Владимир Пронский, Вадим Рудаков, Андрей Румянцев, Михаил Смирнов и Виктор Фролов.

Итожит, резюмирует малую прозу *Антологии* большой роман о первой любви Екатерины Блынской «Время ласточек». Именно так захотелось в финале *Антологии* малой прозы фундаментом будущих журналов заложить прозу большую. О романе Екатерины Блынской на нашем сайте и в бумажной версии есть размышления Юрия Манакона «Незабудки». Хочется подписаться под каждым его словом: роман – явление большого светлого таланта.

(Журнал можно приобрести в редакции, или заказать адресную пересылку)



Мурманск. Торжества в честь Дня славянской письменности и культуры (см. стр.2)

Переходная эпоха всегда переживает-ется как кризис. Рушится привычное, страшит неизвестное новое. Прохождение любого кризиса, степень его остроты и опасности, перспективы выхода из него – по большому счёту всё это зависит от состояния общества, глубины культуры, степени её распространённости и скорости реагирования на поступающие вызовы.

Сегодня на наших глазах разворачивается цивилизационный кри-

зис, это устройство в доступной степени сложности, ведь основания жизни остаются общими для всех, передаются из поколения в поколение самыми различными способами – от бытового уклада до искусства и науки. Просто надо уметь собирать её в единое целое.

Логика развития человечества на протяжении веков была вполне определённой: очень небольшая пассивно-онарная его часть (порядка десяти процентов, согласно кривой Гаусса) нащупывала возможные пути развития, направления движения чело-

вечества, а остальная часть, гораздо большая (порядка восьмидесяти процентов), так называемое Великое Среднее, разумно консервативная, довольно осторожно оценивала перспективы и выбирала наиболее безопасные варианты движения дальше.

Цивилизационный выбор никогда не был простым, и при этом в приоритете по отношению к новым возможностям всегда оставался инстинкт коллективного самосохранения. В то же время лучшие представители Великого Среднего, руководимые тем же самым инстинктом самосохранения, всегда поддерживали пассивно-нариев, обеспечивая саму возможность поиска...

Но происходящее сегодня явно не укладывается в предыдущую модель медленного, осторожного исторического движения. И тому, кроме причин непостижимых, могущих естественно находиться выше нашего понимания, есть причины вполне очевидные.

Великое Среднее всегда было укоренено на земле, в национальной (по преимуществу прикладной, т.е. элементарно проверяемой большинством в практике) культуре, имело в качестве опоры опыт, сконцентрированный в традициях и нравственных основаниях своего бытия. Традиция и опыт давали ему полное право быть консервативным и выбирать наиболее безопасные варианты дальнейшего развития – хотя и они неизбежно были сопряжены с утратами и жертвами, но не фатальными,

иногда даже частично реализуются проект трансгенного человечества (создание более совершенного существа, чем Божье творение – каков пафос!), но ведь это очевидно самоубийственно для самого человека. Эткий прогрессивный суицид при молчаливом согласии Великого Среднего...

Предложен и даже частично реализуется проект трансгенного человечества (создание более совершенного существа, чем Божье творение – каков пафос!), но ведь это очевидно самоубийственно для самого человека. Эткий прогрессивный суицид при молчаливом согласии Великого Среднего...

(Окончание – стр.3)

Нина ЯГОДИНЦЕВА

Число букв

Кто мы, зачем мы, что нужно нам?

зис, битва между буквой и цифрой, образом и числом, человеком и зверем – зверем не в биологическом, разумеется, понимании, а в духовном. Впрочем, если посмотреть на историю, битва за человеческое не прекращалась никогда. Возможно, это просто такой объективный способ выковать прочную и сильную человеческую сущность.

Однако новое всегда приходит в жизнь агрессивно, ибо его энергию культура ещё не усмирила и не направила человеку во благо. Вопрос только в том, какими его встречаем мы.

Отглушённые профессионально подготовленной информационной «пандемией», заворожённые мнимым удобством цифровых технологий, раскиданные по онлайн как по полусасыпанному окопам – мы слишком медленно понимаем, что происходит вокруг. Но нужно помнить, что суть перемен зависит не столько от тех, кто их активно лоббирует и реализует, а в гораздо большей степени от нас самих.

Фрагментированная средствами массовой информации реальность не даёт нам возможности представлять себе целостную картину происходящего, а навяз «сборки» цельного представления из мелькающих фрагментов по вполне понятным причинам не входит в число навыков, насущно необходимых современному человеку.

Между тем жизнь изначально устроена так, что у каждого из нас, вне зависимости от образования и опыта, есть возможность понять

суть происходящего сегодня явно не укладывается в предыдущую модель медленного, осторожного исторического движения. И тому, кроме причин непостижимых, могущих естественно находиться выше нашего понимания, есть причины вполне очевидные.

Великое Среднее всегда было укоренено на земле, в национальной (по преимуществу прикладной, т.е. элементарно проверяемой большинством в практике) культуре, имело в качестве опоры опыт, сконцентрированный в традициях и нравственных основаниях своего бытия. Традиция и опыт давали ему полное право быть консервативным и выбирать наиболее безопасные варианты дальнейшего развития – хотя и они неизбежно были сопряжены с утратами и жертвами, но не фатальными,



Алексей МАНАЕВ

Капкан ради Канн?

О лётчике Девятаеве, его подвиге и одноимённом фильме Тимура Бекмамбетова

осваивать премудрости лётного дела. Вроде отпустил тулик. Но ведь Девятаев – человек поступка! Оренбург так Оренбург! Поехал! Здесь и стал лётчиком-истребителем. Чем не узелок на память для сценариста и режиссёра?

Вот он, Девятаев, передо мной. С пожелтевшей фотографии 1936 года смотрит разухабистый среднего роста юноша, стоящий у тумбочки. Нога за ногу. В шляпе, лихо оседлавшей затылок. В распахнутом тёмном костюме и съехавшем на бок коротком галстуке. В светлых брюках в мелкую клеточку. Большой палец левой руки как бы не поместился в кармане брюк и надменно расположился на животе. Конечно, это не паинька. Это человек, опытный молодость, словно предчувствовавший свою судьбу. Поэтому, наверное, кажется, что по-молодецки вызывающе смотрит он не на нас, а настороженно и одновременно дерзко вглядывается в будущее. Будто чувствует, что ему уготованы крутые повороты похлеذة дорожного серпантинна на горных кручах, и он внутренне готов к предстоящим вызовам. Во всяком случае, вся его долгая, в 84 года, жизнь свидетельствует о том, что вызовы судьбы его не заставали врасплох, равно как и о том, что это был человек поступка.

Орден – за спасение генерала

Рассказывая о Девятаеве, пытаюсь остановиться только на тех ситуациях, когда надо было проявить характер. Но тогда, если иметь в виду военное время, надо упомянуть о каждом дне жизни лётчика-истребителя, о каждом полёте. Потому что эти дни, эти полёты, воздушные схватки с фашистами – не что иное, как жонглирование над пропастью на натянутом канате, как схватка с судьбой. И схватка не всегда завершалась в пользу нашего героя. Враг был не из протасков. На его стороне опыт и нередко – более совершенная техника. Поэтому приходилось покидать небо и обиты-тень. Первый раз – в тувльских местах. «Погостив» в госпитале 13 дней, Девятаев сбежал в полк. Полетать долго не пришлось. 23 сентября 1941 года сбил очередной немецкий самолёт, но и сам был

тяжело ранен. Еле-еле дотянул до аэродрома и отключился от большой потери крови. Кровь донора – команда эскадрильи Владимира Боброва – перепиливали прямо на крыле машины.

И пошло путешествие – по госпиталям. В конце концов обескураживающий вердикт врачей – к полётам на истребителях не годен. Дозволялось летать только на тихоходной технике. Был он вначале командиром звена связи, а потом перевели в отдельный санитарный авиационный полк. Но в любом случае подымался в небо на «кукурузник», о которых шутили: курица не птица, кукурузник – не самолёт. Доставлял партизанам оружие, продовольствие и боеприпасы, вызволил раненых с передовой в тыл.

Однажды спас жизнь даже тяжело раненому генералу. Его надо было срочно доставить в госпиталь, но погода оказалась нелётной. Решили воспользоваться железной дорогой, хотя знали: живого на поезде не довезти. Отправили. Через некоторое время погода улучшилась. Девятаев поднимается в воздух, чтобы перехватить состав на одной из станций, взлетев раненого и доставить его по назначению. Подлетает к станции и обнаруживает, что она в руках врага. Что оставалось делать? Пришлось искать затерянный в зимней степи поезд, идти на него буквально на лоб, чтобы заставить остановиться, и продлить путешествие генерала на самолёте. Боевые полёты на «кукурузнике» оценили по достоинству – орденом Красного Знамени.

Михаил Девятаев не терял надежды возвратиться в истребительную авиацию. Случайно встретив своего командира эскадрильи Владимира Боброва, посетовал на судьбу «небесного тихохода».

– Только и всего? – удивился Бобров. – Идём к командиру соединения Александру Покрышкину. Он умеет уговаривать медицину.

Действительно – уговорил. Через несколько дней семья истребителей Александра Покрышкина пополнилась ещё одним опытным лётчиком – Михаилом Девятаевым. Как видим, и на эту вы-

соту Девятаев забрался сам. Высоту, с которой пришлось падать в бездонную пропасть. Спасли не чудеса, спасла предрасположенность к поступку, а значит – к подвигу. Опять-таки, чем не узелок на память?

Число тринадцать было для Михаила Петровича знакомым. Хотя в метриках значится, что появился на свет

божий 7 июня 1917 года, на самом деле произошло это 13 июня. Был тринадцатым ребёнком в семье. В тот роковой день – 13 августа 1944 года – в небе над Львовым завязалась очередная схватка с люфтваффе. Немецких машин было больше. Подбили. Самолёт превратился в пылающий факел. Покинул его в самый последний момент. Приземлился в беспомощности. Очнулся – плен. Дальше концлагеря, побои, допросы, изнуряющая работа, гибель товарищей – всё, что постепенно превращает человека в тень, в раба. Он не превратился, установив контакты с такими же, как сам, людьми, способными на поступок, и пытаясь обыграть противника, взявшего большую фору в виде колючей проволоки, собак, пулемётов, крематория, на его поле. В одном из лагерей начали рыть подкоп. Заговор был раскрыт. Зачинщиков, поддержав в карцере, этапировали в концентрационный лагерь «Заксенхаузен», который находился под непосредственным руководством Гиммлера.

– Отсюда не уходят, а вылетают через трубу, – сказал Михаилу Девятаеву улыбчивый переводчик, показывая на крематорий. Михаил понимал, что вот-вот настанет его час покинуть этот мир через трубу душгошки, как покинули его сто тысяч узников Заксенхаузена.

Под чужой фамилией

Впрочем, если вам, читатель, доведётся покататься в архивах Третьего рейха, вы можете натолкнуться на документ, согласно которому Девятаев был уничтожен в Заксенхаузене. Многим своим собеседникам Михаил Петрович показывал копию списка казнённых, в котором значится и его фамилия.

– Яшу из Магадана и меня приговорили к смерти, – рассказывал он. – Приговорённых посадили на баржи и утопили...

На самом деле жизнь Девятаеву спас лагерный парикмахер-антифашист, который накануне расправы заменил ярлык смертника, выданного Девятаеву, на ярлык, принадлежавший замученному узнику с Украины. Так лётчик Девятаев стал учителем Никитенко. А вскоре его перевели в Пенемюнде, на остров Узедом, где зачислили в команду, обслуживающую аэродром, то и дело выводимый из строя советскими бомбардировщиками. И вот тут-то у Девятаева зародилась, укрепилась, укоренилась дерзкая мысль – улизнуть от фашистов на их же самолёте. Она оказалась сначала нереальной, нелепой, мифической. Но чем больше знакомился со здешними порядками, тем больше убеждался: вероятность – маленькая, микроскопическая – существует. Сложилась небольшая группа единомышленников. Выдвигали из разбомблённых фашистских машин приборы и изучали их.

Девятаев вспоминал: «Я прикидывал план захвата машины, рулёжки, взлёта под горку в сторону моря. Но смую ли запустить, смую ли справиться с двухмоторной машиной? Во что бы то ни стало следовало увидеть приборы в кабине, понять, как, что, в какой последовательности надо включать – в решительный момент счёт времени будет идти на секунды. Главное: запустить, вырваться и взлететь. Случай помог проследить операцию запуска.

Наизусть выучили расписание дня фашистов, взяли на учёт ещё много того, без чего побег оказался бы невыполнимым. «Отлёт» намечали на март, но его пришлось ускорить: за дерзость Девятаева приговорили «на десять дней жизни»: в результате истязаний дольше не протянуть. Силы быстро покидали лётчика. Стало понятно, что больше полутора недель он действительно не проживёт. Надо было бежать, бежать во что бы то ни стало. Случай выпал 8 февраля 1945 года. До конца декады оставалось только два дня. Облюбовали самолёт-бомбардировщик «Хейнкель-111». Расправились с охранником. Кое-как, проделав отверстие в дюралюминиевом корпусе машины, открыли кабину и быстро забралась в неё. Попытались запустить моторы – не заводятся. Оказалось, нет аккумуляторов. На счастье, рядом стояла тележка со вспомогательными аккумуляторами. Расчехлили, завели моторы, вытащили тормозные колодки из-под колёс, сняли струбины с аэронов и рулей. И всё это в бешеном темпе, из последних сил, под стук выпрыгивающих из грудных клеток сердец.

(Окончание – стр.8)